

Папе и маме, с любовью

Часть I

МАЙ 1866

Невозможно дважды войти
в одну и ту же реку.

ГЕРАКЛИТ, «Фрагменты»

Мы незавершенные, наполовину собранные существа.

МЭРИ ШЕЛЛИ, «Франкенштейн», 1823

Нелл

Все начинается с рекламной афиши, прибитой гвоздем к дубовому стволу.

— Балаган Чудес Джаспера Джупитера!

— Что это такое?

— Лучшее представление на свете!

Все проталкиваются вперед, кричат и цыкают друг на друга. Какая-то женщина вопит: «Поосторожнее с локтями!»

Через просветы между подмышками Нелл видит кусочек афиши. Буйство красок, ярко-красный цвет с золотой каймой. Изображение бородатой женщины в красном камзоле и с золотыми крылышками, прикрепленными к башмакам.

«Стелла Певчая Птичка, бородатая, как медведь!»

Нелл наклоняется ближе, пытаясь увидеть афишу целиком, разобрать слова, украшенные затейливыми завитушками.

«Знаменитая слониха Минни!» — огромное серое существо с длинным хоботом.

«Валлийская великанша Брунетт. Самый маленький в мире музей курьезных предметов», — набросок белого крокодила в стеклянной банке, сброшенная змеиная кожа.

В верхней части афиши — лицо мужчины, в три раза превосходящее по размеру другие иллюстрации.

Лихо закрученные усы, трость наискосок, в виде молнии.

«Антрепренер Джаспер Джупитер представляет поразительную труппу живых курьезов», — читает она.

— Что такое «живой курьез»? — спрашивает Нелл у своего брата.

Тот не отвечает.

Стоя там, она забывает о бесконечной срезке и плетении нарциссов и фиалок, о многочисленных пчелиных укусах на распухших руках, о весеннем солнце, которое припекает кожу, пока она не кажется обваренной кипятком. В ней зарождается предчувствие чуда. Сюда, в их маленький поселок, приехал цирк. Он раскинет шатер на выбеленных солью полях за деревней, раскрасит небо сполохами изысканных красок, привезет жонглеров с кинжалами, экзотических животных и девушек, которые будут прогуливаться по улицам с видом надменных собственниц. Она прижимается к брату и слушает вереницу вопросов, аханья и восклицаний.

— Как они заставляют пуделей танцевать?

— Обезьяна, наряженная светским щеголем!

— Это и впрямь бородатая женщина?

— Мышиные шкурки. Это приклеенные мышинные шкурки.

Нелл смотрит на афишу — на завернутые края, яркие цвета, переливающийся шрифт — и пытается навсегда запечатлеть ее в памяти. Ей хочется сохранить эту афишу. Ей хочется тайком вернуться под покровом ночи и сорвать ее с гвоздей — аккуратно, чтобы не порвать бумагу, — и рассматривать ее, когда захочется, изучать этих курьезных людей так же внимательно, как она корпит над библейскими гравюрами.

Цирк чудес

Шатровые представления часто проходили в соседних городках, но еще никогда в их поселке. Ее отец даже посетил цирк Сэнджера, когда тот устраивал представления в Гастингсе. Он рассказывал истории о мальчишках с накрашенными губами, скачущих на лошадях вверх тормашками и стреляющих в пинтовые горшки. *«Ты не поверишь, какие чудеса. А что вытворяют гимнастки — ох, они на голову выше девочек из Брайтона!»* В провинции слухи о цирковых катастрофах жадно передавались из уст в уста. Укротители, съеденные львами, эквилибристки, расхаживавшие на цыпочках по натянутой проволоке и разбивавшиеся насмерть, внезапные пожары, целиком пожирившие цирковые шатры и варившие китов прямо в аквариуме.

Крики ненадолго затихли, и тишину разорвал голос:

— Ты тоже участвуешь в представлении?

Это корзинщик Ленни; рыжие волосы падают ему на глаза. Он ухмыляется, ждет, что прочие к нему присоединятся. Люди вокруг замолкают. Воодушевленный их молчанием, он восклицает:

— Покажи нам стойку на руках, пока не появились другие чудеса!

Брат Нелл кривится, и сначала она думает, что Ленни обратился к нему. Но это невозможно, потому что Чарли обычный, ничем не примечательный парень. Это на нее смотрит Ленни, его взгляд скользит по ее лицу и рукам.

Тишина прерывается возбужденными шепотками.

— Что он сказал?

— Я не расслышала!

Шарканье ног, нервозный ропот.

Нелл ощущает на себе знакомые жгучие взгляды. Когда она вскидывает голову, все слишком быстро отворачиваются и начинают рассматривать свои ногти или окрестные камни. Она понимает, что они хотят быть великодушными, избавить ее от унижения. Два года назад, когда шторм залил фиалки соленой водой и они засохли, отец указал на нее дрожащим пальцем. *«Это дурное знамение, как я и сказал в тот день, когда она родилась»*. Она замечает, как Мэри, возлюбленная его брата, старается не задеть случайно ее руку. *«Это заразно?»* Откровенные взгляды путников и лекарей-шарлатанов, которые пытаются продать ей пилюли, порошки и притирания. Ее жизнь одновременно словно бы и скрыта от окружающих, и выставлена на всеобщее обозрение.

— Что ты сказал, Ленни? — грозно спрашивает брат и принимает стойку, словно терьер перед охотой на крыс.

— Оставь его в покое, — шепчет она. — Пожалуйста.

Она не ребенок и не кусок мяса для собачьей драки. Это не их противостояние, а ее борьба. Она ощущает это как удар кулаком в живот. Прикрывается руками, словно обнаженная.

Толпа подается назад и в стороны, когда Чарли бросается в атаку. Его кулак молотит, как машинный поршень по наковальне, пригвожденного к земле Ленни. Кто-то пытается оттащить его, но он превращается в лежащего, размахивающего руками монстра.

— Пожалуйста, — умоляет она, цепляясь за его рубашку. — Прекрати, Чарли.

Нелл поднимает голову. Люди вокруг нее расступились. Она стоит одна, перебирая оборки своего

ЦИРК ЧУДЕС

чепца. В пыли блестят крупные капли крови. Под мышками ее платья серпами выступает пот. Священник заносит руку, как будто хочет похлопать ее по плечу.

Пчелиные укусы болезненно пульсируют, ее руки побагровели от цветочного сока.

Нелл пробивается через толпу. За спиной раздаются кряхтение, удары, звук рвущейся ткани. Она направляется к утесам. Ей как никогда хочется поплавать, ощутить невыносимый напор течения, ту тянущую боль в мышцах от борьбы с ним. Она внушает себе, что не собирается убегать, но ее ноги все быстрее ударяют о землю, а дыхание раскаляет горло.

Тоби

Тоби пора возвращаться в лагерь, на полном карьере преодолеть лабиринты живой изгороди, прежде чем стемнеет. Но он не может противиться искушению человеческого любопытства к нему, когда он развешивает рекламные афиши, зажав гвозди во рту. Он специально опаздывает, как будто это часть представления. Его брат только посмеялся бы над театральным замахом молотка, над тем, как он отступает в сторону, словно отбрасывая плащ. *Та-дам!* Но эти селяне смотрят на него как на *важного господина*, словно он был кем-то особенным, и он расправляет плечи и поправляет венчик из одуванчиков, сплетенный для его лошади.

Как только он возвращается в лагерь, то отступает на задний план. Он всего лишь посредник, а его физическая сила — единственный способ оплатить долг перед братом. Он сгребает сено, укрепляет стойки и смазывает храповики. Он высокий, но не высоченный. Он плотно сбит, но недостаточно толстый. Его сила полезна, но она ничто по сравнению с тем, кто зарабатывает ею на жизнь, — как Виоланте по прозвищу Испанский Геркулес, который может поднять железную пушку весом четыреста футов, привязанную к его волосам.

Цирк чудес

Когда он стоит возле гостиницы и люди посматривают на рулон афиш, выглядывающих из седельной сумки, его воротничок мокнет от пота. Этот день слишком ясный, слишком жаркий, почти ненастоящий. Все вокруг неподвижно, безупречно и похоже на стеклянный пузырь, который вот-вот разобьется.

Он смотрит на светловолосую девушку, которая бежит к морю, поднимая пыльный след. Веснушчатый паренек выходит из-за угла, утирая кровь из носа и с губ. *Они так разволновались из-за представления, что началась драка.* Вот что он скажет вечером своему брату Джасперу. По крайней мере, новость о таком лихорадочном предвкушении как-то смягчит необузданный нрав Джаспера, когда он узнает об этом; даже *крестьяне* могут быть щедрыми. Деревянные домики теснятся, как престарелые вдовы, как тощие псы с выпирающими ребрами. Он думает о Севастополе и о сгоревших скорлупках жилищ, о липком цветочном запахе. Его пальцы дрожат, поводья звякают. Пронзительные крики чаек похожи на залпы мортир. Вонь немытых тел и сухого навоза. Он потирает щеку.

Тоби садится на коня (Гримальди, названный в честь клоуна), пришпоривает его бока и направляется в сторону нынешнего лагеря, что примерно в часе езды верхом. Сегодня вечером они соберут повозки, запрягут зебр и медленной процессией двинутся к этому поселку. Он договорился насчет поля, где они поставят шатер, и велел зеленщику обеспечить животных капустой и старыми овощами.

Сразу после дорожной заставы Тоби решает направиться в обход по более длинной прибрежной тропе,